

ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Ю. Винокурова

ПРАЗДНИЧНАЯ СИСТЕМА КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XIX – начало XX в.)

Одна из первоначальных проблем, с которой сталкивается исследователь при изучении различных праздников на определенной территории, – это их систематизация и классификация. В настоящей статье мы попытаемся ответить на вопрос, какие основные категории праздников были распространены в деревнях Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в., то есть в период довольно стойкого сохранения традиционной культуры.

Реконструкция традиционной праздничной системы, которая функционировала в деревнях Олонецкой губернии в рассматриваемый период, имеет определенные трудности. Одна из них – состояние источников. В них представлены далеко не все населенные пункты и бытующие в них праздники, к тому же многие населенные пункты к настоящему времени исчезли или изменили названия. Другая сложность – неоднородность территории Олонецкой губернии в этническом отношении, которая не могла не сказаться на сложении праздничной системы. Издавна здесь проживали вепсы, карелы и русские.

По первой Всероссийской переписи 1897 г. в Олонецкой губернии 78,2 % населения считало своим родным языком русский, 16,3 – карельский, 4,4 – вепсский (чудской), 0,7 – финский и только 0,4 – прочие языки (еврейский, польский, цыганский, немецкий, украинский, татарский, белорусский и др.). Почти все карелы (99,8 %), населяющие Олонецкую губернию, проживали в западной ее половине – в Олонецком, Петрозаводском и Повенецком уездах. В восточной части губернии (Пудожском, Каргопольском и Вытегорском уездах) их насчитывались единицы, а в

Лодейнопольском уезде – сто с небольшим человек. Вепсы населяли Виницкую, Оштинскую, Подпорожскую, Шапшинскую и Шимозерскую волости Лодейнопольского уезда и Шелтозерско-Бережную волость Петрозаводского уезда. В Вытегорском, Повенецком и Олонецком уездах их насчитывалось всего 10 человек. Русские были расселены по губернии повсеместно, составляя абсолютное большинство в Пудожском, Каргопольском, Вытегорском, Лодейнопольском и Петрозаводском уездах [Покровская 1974: 102; Архив АН, ф.135, оп.2, № 627].

Карта Олонецкой губернии

В силу этих обстоятельств данная статья не претендует на исчерпывающую характеристику поставленной проблемы. Мы наметим самую общую схему классификации общинных праздников, характерную для всех народов Олонецкой губернии, которая по мере углубления в тему будет уточняться и дополняться.

Как представляется, систематизацию следует начинать с определения понятия «праздник». В исследуемый нами период не только русский народ, но и прибалтийско-финские этносы Олонецкой

губернии использовали слово «праздник» для обозначения различных периодических общинных торжеств; ср.: с.кар. *pruaznikka* (Реболы), *proaznikka* (Паданы); ливв. *proazñiekku* (Ведлозеро), *priaznikko* (Кондуши); люд. *pruasñiekke* (Святозеро), *pruaznik* (Михайловское); сев., ср., южн. вепс. *prazñik* [СОСДКВСЯ 2007: 1265]. Русское слово «праздник» происходит от древнеславянского *праздь*, обозначающего «отдых», «безделье», «лень»; отсюда и прилагательное «праздный» имеет значения «ленивый», «пустой», «бесполезный», «не занимающийся делом» и т.п. [Белоусов 1974: 6]. Такое толкование отражает только одну из существенных сторон праздника, отличающую его от будней, – отсутствие работы. Именно на этот важный признак традиционного праздника всегда указывали наши информанты, подчеркивая, что выполнение работы в праздник считалось страшным грехом. Эти этнографические факты подтверждаются данными вепсской и карельской лексики: вепс. слово *güudai* (*juudei*), наряду со значением «пустой», «порожний», имеет переносное значение «праздный», «свободный от дел», у карел-ливвиков *jowdavus* означает «незанятость, праздность, безделье» [Зайцева, Муллонен 1972; СКЯ 1990: 104]. Однако языковые данные указывают на то, что у прибалтийско-финских народов в прошлом существовало свое слово для обозначения праздника – *pühä* (*pyhä*). У финнов *pyhä* – 1) праздник; праздничный день; воскресенье; 2) святой, священный; *pyhäpäivä* – праздничный день, воскресенье [ФРС 1975: 496]. У карел и вепсов *pühä* сохранилось в значениях «святой» и «пост»; *pühäpäivü* (ливв.), *pühäpäiv* (люд.; сев., южн. вепс.) – воскресенье [СОСДКВСЯ 2007: 328]. Эти значения подчеркивают не только существование в праздник запретов и ограничений на различные действия, но и его сакральное содержание. У многих народов мира также распространены названия праздников, семантические значения которых содержат идею сакральности (ср.: рус. *святки*, укр. *свято*, польск. *swieto*, серб.-хорв. *свечаник* и т.п. от *svet* ‘святой, сакральный’; англ. *holiday* от *holy* ‘святой’; незанятости, пустоты от дел (ср.: укр. *неділя*) [Белоусов 1974: 7; Топоров 1997: 329].

В основе каждого праздника лежит какое-либо важное событие в жизни общины или отдельной семьи: изменение в космо-природном

мире и знаменательная дата из жизни олицетворяющих его божеств, удачная охота, окончание сбора урожая, предотвращение падежа скота, эпидемии, строительство храма, память святого Православной церкви, победа в битве или войне и т.п. Уже это произвольное перечисление различных событий свидетельствует о том, что работа над классификацией праздников достаточно сложна. Известный польский социолог К. Жигульский в качестве главных критериев упорядочения праздников называет их пространственную масштабность и время. Он пишет: «Распространенность праздника, как и других явлений человеческой культуры, можно представить в виде карты. Мы найдем на ней местные, локальные праздники, распространенность которых ограничена, праздники региональные, национальные, государственные и, наконец, международные праздники. Кроме карты, дающей нам представление о пространственном размещении праздников, можно составить также исторические карты, воссоздающие картину праздников в ту или иную минувшую эпоху. Ряд таких карт наглядно проиллюстрирует пространственную динамику праздника, его перемещения, зачастую обусловленные перемещением религиозных культов, обрядов и обычаев, но являющиеся также и следствием экономических, классовых и политических перемен» [Жигульский 1985: 62–63]. Эти критерии представляются достаточно удачными и аргументированными. Они были учтены нами и апробированы при систематизации традиционных праздников вепсов Прионежья – части территории Олонецкой губернии [Винокурова 1996: 21]. Представив распространение праздников на карте, наложенной на определенный географический ареал, мы увидели на ней следующие группы:

- 1) праздники общие, охватывающие весь северовепсский ареал;
- 2) праздники одного северовепсского поселения (храмовые или престольные, заветные). Выделяя эту группу, следует принимать во внимание особенности поселений в вепском Прионежье. На этой территории распространен гнездовой тип расселения. Гнездо – это группа деревень, расположенных поблизости друг от друга. Оно имело общее название, как правило, совпадающее с названием географического объекта (озера, реки, горы), вокруг которого

располагались деревни. В то же время каждая деревня, входившая в гнездо, имела собственное имя. Например, поселение Шелтозеро объединяло около 15 деревень с особыми названиями. Преобладающим типом поселения был погост. Погост, границы которого обычно совпадали с границами сельской общины, в XIX – начале XX в. представлял собой административный и религиозный центр, сплачивающий вокруг себя группу деревень. На погосте находились одна или две церкви и кладбище, объединяющие общество в приход – единицу обрядово-культурного порядка; торговые, а иногда и административные учреждения (волостное управление) [Пименов 1964: 4–7]. После реформы 1861 г. церковный приход и границы волости довольно часто совпадали [Русские 1997: 603]. При учете такой группировки населенных пунктов на местности и типа поселения выявляется третья группа праздников:

3) праздники одной северовепсской деревни (*часовенские*, заветные). При этом каждая деревня состоит из нескольких дворов. Поэтому можно выделить:

4) праздники северовепсской семьи.

Если же посмотреть на эти праздники во временном срезе, то перед нами предстанут праздники народного календарного, церковного и гражданского происхождения. Древнейшими являются календарные народные праздники, которые отмечались периодически и одновременно были связаны как с сезонными изменениями в природе, так и с важнейшими рубежами в хозяйственной деятельности людей. Эти праздники могли быть как общими для Прионежья (например, многодневный вепсский праздник *sünduma*, отмечаемый в честь прибавления светового дня, или *maitpühäpanom* – Масленица, знаменующая окончание зимы), так и узколокальными. Сторонники наиболее популярной праздничной теории «обрядового генезиса» полагают, что с течением времени большинство обрядов, сопровождающих хозяйственные занятия народа и различные будничные дела, связанные с жизненным циклом людей, постепенно оторвались от них и стали исполняться в особые, наиболее значительные дни годового цикла, свободные от работы, – в праздники. Судя по календарям многих народов мира, такими днями первоначально могли быть запретные на работу дни недели – воскресенья, связанные с

лунными фазами, солнцевороты и т.д. В ходе времени древние праздники обогащались в культурном отношении, обрастали новыми обрядами, играми и другими развлечениями. Более поздними были праздники церковного происхождения. В XVII в., в эпоху Петра I, в календаре народов России появились гражданские праздники (в честь встречи гражданского Нового года в ночь с 31 декабря на 1 января, тезоименитства членов императорской семьи и т.п.). Календарные народные праздники притягивались к христианским датам, сливались с праздниками церковного и гражданского происхождения, порой образуя неразделимый сплав. Этот процесс нашел отражение в сохранении двойных названий некоторых праздников у вепсов: одно – церковного происхождения, а второе – народного, причем последнее в ряде случаев было связано с воскресеньями. Например, *летняя казанская* (08.07¹) – *sirpühäpäi* (букв. «сырное воскресенье») в д. Сидорово Бокситогорского района Ленинградской области; *теплый Никола* (после *Ильина дня*) – *ristpühäpei* (букв. «день святого крещения») в с. Шимозеро Вытегорского района Вологодской области; Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (15.08) – *etaganpäi* (букв. «день хозяйки»).

Без сомнения, у карел и русских Олонецкой губернии, которые вместе с вепсами имели одинаковое административное и религиозное устройство в рамках Российского государства, длительные этнокультурные контакты, примерно те же типы расселения и поселений, была распространена аналогичная праздничная система, в основе которой лежали пространственный и временной критерии. Некоторые различия касались не праздничной системы в целом, а видового состава праздников, форм их проведения, связанных со своеобразием этнических традиций и локальным варьированием.

Таким образом, общинные праздники сельского населения Олонецкой губернии можно разделить на две большие группы: общие и местные. Среди местных торжеств выделялись праздники поселения (= погоста, прихода, волости) и деревни. К праздникам поселения относились престольные, к праздникам деревни – часовенные. Устойчиво отмечались также заветные праздники, территория которых могла охватывать поселение, группу деревень или одну

¹ Все даты даются по старому стилю, разница между старым и новым стилем 13 дней.

деревню. Ярким явлением праздничной системы некоторых поселений Олонецкой губернии, поражавшим краеведов и исследователей, были престольные и заветные праздники с жертвоприношением животных и/или пивными братчинами.

Все праздники имели как общие, так и специфические компоненты. Структура религиозных праздников была примерно одинаковой. Их составляющими, как правило, являлись литургия, крестный ход, трапеза, гулянья и игрища, торги. Своеобразие празднику придавали событие, которое лежало в его основе, время празднования, обряды, в том числе связанные с хозяйственной деятельностью или с жизненным циклом человека, развлечения. Например, для Рождества Христова (25.12), связанного с новолетием, были характерны обычаи и обряды, в основе которых лежала «магия первого дня», молодежные обряды, нацеленные на выбор брачного партнера в преддверии межговеья – массового устройства свадеб. Все летние праздники были объединены общей идеей расцвета природы. Особенно стью Троицы было внутреннее и внешнее украшение домов, церковей, могил ветками берез или сделанными из них кольцами.

I. Общие праздники

Они охватывали торжествами всю Олонецкую губернию и были такими же, как и по всей России. До революции в России насчитывалось свыше 30 государственных праздников. Еженедельным праздничным днем являлось воскресенье. Главным праздником всех православных народов, «праздником всех праздников», была Пасха. Праздничными днями в России считались четверг, пятница, суббота Страстной и вся Пасхальная неделя. Государственными праздниками были также все великие праздники – двенадцатые и пять не двенадцатых, за исключением Рождества Иоанна Предтечи (24.06) [Полищук 1997: 584]. К двенадцатым праздникам относились двенадцать праздников в году, прославляющих Иисуса Христа и Богоматерь: неподвижные – Рождество Христово (25.12), Богоявление (06.01), Сретение Господне (02.02), Благовещение Пресвятой Богородицы (25.03), Преображение Господне (06.08), Успение Пресвятой Богородицы (15.08), Рождество Богородицы (08.09), Воздвижение Креста Господня

(14.09), Введение во храм Пресвятой Богородицы (21.11); подвижные – Вход Господень в Иерусалим (последнее воскресенье перед Пасхой), Вознесение Господне (на 40-й день после Пасхи), Троица (на 50-й день после Пасхи). Великими, не входящими в число двенадцатых, считались также пять праздников, посвященных евангельским событиям: Обрезание Господне (01.01), Рождество Иоанна Предтечи (24.06), день памяти свв. апостолов Петра и Павла (29.06), Усекновение главы св. Иоанна Предтечи (29.08), Покров Пресвятой Богородицы (01.10). В ранг государственных праздников были включены и дни св. Николая Чудотворца (09.05), перенесения мощей блгв. кн. Александра Невского (30.08), представления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26.09), празднования Казанской иконы Божией Матери (22.10). Пятница и суббота Масленичной недели тоже были объявлены нерабочими днями.

Из гражданских праздников государственными считались Новый год и «царские дни». «Царскими днями» в России называли ежегодные праздники в честь особ императорского дома. Их разделяли на высокаторжественные и торжественные. К первым относили: день восшествия на престол царствующего монарха; день коронации; дни рождения и тезоименитства императора, царствующей и вдовствующей императриц; цесаревича и цесаревны. Торжественными «царскими днями» считали дни рождения и тезоименитств всех остальных членов императорской фамилии [http://ricolor.org/history/mn/romanov/king_days]. Царские дни, пышно отмечаемые в городах, в сельской местности ограничивались посещением церковной службы. Имеется также скупая информация о том, что в северовепских деревнях в царские именины никогда не хоронили покойников [Perttola. SKS, № 641]. Этот и другие примеры показывают, что в реальной жизни официальная иерархия праздников, установленная высшими церковными и государственными властями, не всегда совпадала с народным отношением к ним. Нередко местный праздник народного происхождения (например заветный, как будет показано ниже) продолжал играть большую роль в жизни населения, чем официальный [Жигульский 1985: 65].

II. Местные праздники

1. **Праздники поселений** (= погостов, приходов, волостей) Олонецкой губернии. К выделенной второй группе праздников относились прежде всего храмовые или престольные праздники. Престольные праздники устанавливались в честь памяти святого, или события священной истории, которыми были названы местная церковь либо ее приделы. Престольные праздники были наиболее почитаемыми. В ряде случаев они совпадали с общими, что придавало им большую торжественность и размах. В прошлом почти каждое поселение Олонецкой губернии имело одну, а чаще две церкви с несколькими приделами: зимнюю каменную и летнюю деревянную и справляло по два, а иногда по три-четыре престола в год. Например, в карельских поселениях храмовыми праздниками были: в Сямозере – Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (*Emänpäivü, Uspeñu*), Крещение Господне (*Vieristü*), в Видлицах – Покров Пресвятой Богородицы (*Pokrov*), день памяти свв. апостолов Петра и Павла (*Pedrunpäivü*) и т.д. [Конкка 2008: 341; Sarmela 1969: 78–79]. В вепсских поселениях Шокша справлялось четыре престольных праздника – *Никола весенний и зимний* (*Mikulan päiv*) (09.05 и 06.12), день памяти свв. апостолов Петра и Павла (*Pedrum päiv*), Покров Пресвятой Богородицы (*Pokrov*); в Шелтозере – три: весенний и зимний праздники в честь св. и славного великомученика и победоносца Георгия (*Jürgin päiv*) (23.04 и 26.11), Преображение Господне (*Spasan päiv*) и т.д. [Винокурова 1996: 40,43]. В Важенах было два престола (Вознесение Господне, Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии) [Sarmela 1969: 79]; в Деревянском приходе – три (праздник в честь Николы Чудотворца, Сретение Господне, Покров Пресвятой Богородицы); в Канзанаволоцком приходе (Водлозерье) отмечали три храмовых праздника – день пророка Илии (*Ильин день*) (20.07), Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (*Успенъё*), день свт. Василия Великого (*Васильев день*) (01.01), в Куганаволоке – два: Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии (*Пречистинская*) (08.09), день памяти свв. апостолов Петра и Павла (*Петров день*) [К.П. 1883: 646; Логинов 2005: 108].

В отличие от других традиционных праздников, престольные праздники были «съезжими», то есть главным их компонентом являлась взаимная гостьба между жителями соседних поселений. В вепсском Прионежье и у сегозерских карел прием гостей на престольные праздники осуществлялся строго по родству. Существуют документы XVI в., в которых упоминается о родовых празднествах, распространенных повсеместно на территории Карелии. Их особенностью был запрет на приход незваных гостей, не представляющих данный род. Эти факты заставляют предположить, что храмовые праздники «впитали» от прежних родовых празднеств прибалтийско-финских народов их древнюю организацию, основанную на родовом принципе. Со временем в это правило вносились послабления. Так, на рубеже XIX–XX вв. у ливвиков в с. Сямозеро «на праздник ходили к родне, но родня могла взять с собой и соседей, а соседи – своих знакомых. Всех встречали, кормили, поили и устраивали на ночь. До трех дней в доме могли гостить и знакомые, и незнакомые» [Конкка 2008: 334–335]. Исключение из правила всегда составляли нищие, приходившие в дома во время праздника. Им выносили угощение, иногда сажали за праздничный стол. В основе этого обычая лежало древнее представление о нищих как заместителях умерших. Считалось, что умершие продолжали принадлежать данному роду и встречались с ним во время праздника. В отличие от вепсов и карел, в некоторых русских районах круг гостей на храмовых праздниках не замыкался только родственниками. В Поморье, например, в престолы «все жители, **необязательно родственники** (выделено мной. – *И.В.*), ходили в гости к празднующим» [Бернштам 2009: 174–175].

Храмовый праздник имел четкую организацию. Он обычно длился два-три дня. Гости приезжали уже накануне праздника вечером и устраивались в домах своих родственников. Распорядок первого праздничного дня был следующий: завтрак (иногда без него), посещение торжественной литургии в церкви, поминовение умерших на кладбище у церкви, крестный ход, обед, хождение по гостям, гулянье с перерывами на полдник и ужин, а также

молодежные посиделки, если праздник приходился на период от Покрова Пресвятой Богородицы до Великого поста.

Праздничное угощение на престольные праздники не было единым по всей Олонецкой губернии. Имелись некоторые локальные различия, связанные с этническими и хозяйственными традициями, временем года, постным или скоромным периодом, достатком семьи. Праздничный обед, будучи всегда обильным, состоял из комплекса блюд, подаваемых в определенном порядке. У сегозерских карел, северных вепсов и русских Заонежья порядок подачи блюд был в общих чертах одинаков. Он обязательно включал первое блюдо – рыбник, затем какую-либо другую выпечку, далее суп (мясной или рыбный), суповое мясо, порезанное на мелкие куски, или рыбу, поданные отдельно. После этого обычно наблюдались различия в подаваемых блюдах, их количестве и названиях. У сегозерских карел, например, за мясом подавали молоко, калитки и пирог-косовик (*kosovikka*), составными частями которого были ячменные сканцы с кашей, положенные между двух картофельных или сдобных ржаных лепешек [Никольская 1981: 143]. У вепсов Прионежья после мяса следовала яичница (*munapirg*) или картофельная запеканка (*rädivik*) с молоком и простоквашей [Винокурова 1996: 47]. Символом завершения пиршества повсюду был кисель.

Источники по соседним с Олонецкой губернией территориям упоминают, что в 1641 г. для праздника Ильи-пророка в с. Пялкозеро (северная Карелия) и праздника св. Николая в Салми (Приладожье) «с каждого дома собиралась половина зерна для пива, которое каждый во время праздника мог выпить столько, сколько хотел». Приготовление общего пива из продуктов в складчину и его общественное распитие проводились в 1695 г. также в Суоярви и Корниярви (Приладожье) за неделю до Рождества Иоанна Предтечи [Sarmela 1969: 32]. Эти факты свидетельствуют о том, что в XVII в. в некоторых карельских деревнях, как и у русских Новгородской и Вологодской губерний, ижор, води, капшинских и южных вепсов, «престолы» сопровождалась пивными братчинами [Винокурова 1994: 35–36]. Они были зафиксированы также в русских деревнях Фатьяновской волости Каргопольского уезда

Олонецкой губернии [Куликовский 1895: 5–6]. Однако традиция пивоварения к храмовым праздникам, особенно в форме братчин, была мало распространена в западных волостях Олонецкой губернии в исследуемый период. Например, по данным Р.Ф. Никольской, у сегозерских карел «алкогольных напитков употребляли очень мало: ни пива, ни браги не варили» [Никольская 1981: 144]. То же самое можно сказать о северных вепсах и заонежанах [Винокурова 1996; Логинов 1993: 130]. Т.А. Бернштам также отмечала снижение роли пива на больших праздниках и исчезновение названия *пивной* в некоторых севернорусских районах (например в Архангельском уезде), которое, по ее мнению, было связано с нехваткой хлеба у населения этих районов [Бернштам 1988: 217].

После праздничного обеда начиналось гулянье, включавшее размеренное хождение празднично одетых людей, в основном парней и девушек, отдельными шеренгами, следующими друг за другом, под пение песен и игру на гармонии на виду у остальных жителей села; а также игрище с играми, плясками и танцами. Описание танцев на игрище в Кузаранде во время храмового праздника в честь Рождества св. Иоанна Предтечи, Крестителя Господня (*Иванов день*) было дано Г.И. Куликовским: «Под горою за деревнею собралась молодежь, издали видны две группы: одна темная, одноцветная – это кавалеры, другая пестрая с преобладающими красным, белым и желтым цветами – это девушки, посредине все это смешалось и как бы движется, но подойдем поближе. Действительно движение есть, но крайне медленное: танцуют «круг». Танец этот состоит в следующем: две группы, как уже сказано, стоят отдельно, но вот раздается ленивое гудение гармоники, на середину выходит кавалер и, подозвав к себе девушку, взяв ее за руку, медленно начинает описывать круг; взятая девушка подзывает к себе молодца, выступивший первым кавалер берет другую девушку, та подзывает опять молодца, а с другого конца опять приглашается девушка; цепь двигается и растет с обоих концов, в ней чередуются молодец, девица, молодец, девица, молодец и т.д., сначала в круг одна пара, затем 2, 3, 4, 5 и более пар, все это движется только в одну сторону. Танец крайне однообразен; однообразие его еще ощутительнее, когда Олонецкий танец сменяется француз-

скою кадрилию со всеми ея 6-ю фигурами» [Куликовский 1888: 515–516].

В праздничной культуре карел была известна форма молодежных гуляний, примечательной чертой которой было соединение праздничного шествия с игрой. Эта игра-гулянье называлась *pitkäkisa* (с. кар.), *pitkykiza* (ливв.) – «длинная игра», *puarakiza* (Сегозерье) – «парная игра», *pitkä paara* (Приладожье) – «длинная пара». Она заключалась в том, что парень, выбрав на гулянье девушку, уводил ее за руку или за платок, который она держала, на дальнейшее расстояние – куда-нибудь в поле, лес. Там они садились на выбранное место и беседовали. По сообщению из с. Сямозеро, «во время „долгой игры“ ходили на гору и на поля. На гору ходили, там сидели парами за буграми („кочками“) с можжевельником» [Конкка 2008: 335]. Если взаимной симпатии во время игры не возникало, то пара в скором времени возвращалась обратно на игрище. Парень приглашал на «длинную» прогулку другую избранницу, в то время как у предыдущей девушки мог появиться новый партнер [Сурхаско 1977: 51]. В Приладожье выбор девушек в *pitkä paara* («длинная пара») описывался следующим образом: «Так называемая *pitkä paara* проходит через наполненное толпой праздничное место. Первыми идут парами, держась за руки, девицы, обращая на себя внимание яркими одеждами, одна ярче другой. Парни сначала робко наблюдают за приближающимися девушками, но, найдя понравившихся, присоединяются к ним и образуют новые пары – парни с девушками. Громко звучит аккордеон. Самые красивые и одновременно самые богатые всегда ходят первыми парами. Старики стоят вокруг и наблюдают за молодыми» [Sarmela 1969: 73].

Гулянья делились на осенне-зимние и весенне-летние, длительность которых зависела от величины светового дня. Они различались не только по времени, но и по месту проведения. По сравнению с весенне-летними осенне-зимние гулянья занимали меньшую территорию. Примечательным местом для них у приладожских карел в зимнее время был лед реки или озера, на котором парни прохаживались парами с девушками или катались на лошадях [Sarmela 1969: 71]. Чаще всего местом проведения осенне-зимних

гуляний была главная улица села. В весеннее-летнюю пору территория гуляний расширялась: они проходили не только на улицах, площадях у церквей и часовен, но и в традиционных местах за селом – на мосту, дороге, пожне, горе, берегу водоема и т.д. Праздничные локусы имели особые названия.

Храмовые праздники, притягивающие к себе большое количество народа, издавна сопровождалась торговлей. Объектом внимания гуляющей публики были также торговые ряды, установленные вдоль главной улицы села или на площади у церкви. «Рано утром в самый праздник тянутся обозы торговцев с красным товаром, кожей, с деревянной и глиняной посудой, с граблями, стойками и всякого рода вещами местного изделия, необходимыми для обихода землепашца, и к часам 9 утра площадь пред церковью покрывается балаганами, где помещаются торговцы с красным товаром и мелочью разного рода. Напротив их помещаются торговцы с возов с местными изделиями. Вся площадь кипит народом и превращается в шумный говор: один предлагает купить платки и ситцы, другой кожу и грабли; тот продает стойки, другой ножи и топоры; один торгуется с продавцом кошель, другой закупает стойковище; зажиточный просит отвесить пуд продаваемой морошки, бедняк закупает соленую рыбу. Одним словом, все и каждый занят продажей своих товаров и изделий и каждый спешит что-нибудь закупить, считая своею обязанностью порадовать домашних и приехавших родных покупкою на местной ярмарке» – так, например, описывается торговая часть храмового праздника Ильи-пророка у карел Ильинского прихода Олонецкого уезда Олонецкой губернии [Миролюбов 1872: 772].

В осенне-зимний период народного календаря, длившийся от Покрова до начала Великого поста, народные гулянья на престольные праздники всегда сменялись сборищами молодежи в одном из домов селения. В единичных случаях в некоторых русских деревнях молодежные посиделки начинались со дня Рождества Пресвятой Богородицы, а у карел – со дня Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. В Заонежье они носили название *бесёды*, в Пудожье – *вечёрки*, в Поморье – *вечерины*, у карел – *beššodat* (сегоз.), *bešodut* (ливв.), у вепсов – *besedad*, *besedsijad* (букв. «беседные

места»), *večera* [Логинов 2008: 15–60; ДКСК 1980: 98; Винокурова 1996: 54]. Беседы обыкновенно проходили в нанимаемых за определенную плату на весь осенне-зимний период избах или по очереди в домах девушек. Праздничные беседы сопровождалась танцами, песнями, играми, набор которых варьировал по разным деревням Карелии. Работа на них считалась грехом.

С зимними престольными праздниками у северных вепсов и карел был связан обычай длительной гостьбы девушек, в основном племянниц, у своих родственников (чаще всего по материнской линии) под названием *adiv* (сев. вепс.); *ativo*, *adivo* (соб. кар.); *ad'vo* (ливв.); *ad'v*, *adiv* (люд.) [ДКСК 1980: 14; Винокурова 1996: 65]. Согласно этому обычаю, дядя или двоюродный брат девушек накануне зимнего престольного праздника своего прихода объезжал соседние поселения, где проживали его молодые родственницы, и забирал их к себе погостить на две-три недели. По истечении срока гостьбы за девушками приезжал отец или брат и отвозил их обратно домой. Такая гостьба была замечательным периодом в жизни девушки, во время которой она участвовала в гуляньях, праздничных и будничных беседах с новым для нее молодежным составом, расширявшим круг для выбора ею суженого. В то же время, собравшись по пять и более человек в одном доме, девушки днем оказывали хозяйке в различных нетрудовых делах: мыли полы по субботам, носили дрова и воду. Тяжелыми работами их занимать было не принято. В вепсских деревнях за пределами Карелии институт праздничной гостьбы девушек тоже был известен, но таких четких общественных норм, связанных с ним, равно как и определенного названия, зафиксировано не было. Праздничная гостьба девушек у своих родственников, подобная северовепсской и карельской, была распространена также среди русского населения Прионежья. По данным Ю.Ю.Сурхаско, брачно-родственные связи между жителями русских и карельских деревень (особенно между людиками и русскими Прионежья) существовали до 80-х гг. XX в. [Сурхаско 1981]. Во многих других русских районах девичья гостьба осуществлялась чаще всего на основе дружеских, а не родственных связей; отсюда и специальная поездка за девушкой в другое селение

совершалась ее подругой или родственницей-сверстницей, а не родственниками мужского пола [Громыко 1986: 239].

2. **Праздники деревень** Олонецкой губернии. Каждая деревня, входящая в крупное поселение, помимо храмовых торжеств, отмечала еще и свой праздник. Деревенские праздники были разнородны по происхождению. Большая часть их посвящалась святым или событиям православной истории, в честь которых была построена деревенская часовня. О бытовании этих праздников у карел в газете «Олонецкие губернские ведомости» анонимный автор писал следующее: «В каждой корельской деревне, даже самой маленькой, не говоря про погост, есть свой праздник ... Так как в каждой деревне (за немногими исключениями) есть хоть небольшая часовня, то и празднуют, главным образом, тем святым и праздникам, в честь которых построены часовни и иконы которых находятся в последних. Эти главные праздники и называются „часовенными”» [П.М. 1894: 9]. В сценарий часовенного праздника входили примерно те же составляющие, что и в престольный праздник: гостьба, посещение часовни, литургия, крестный ход, праздничный обед, гулянье по деревне, игрище. По размаху и торжественности часовенный праздник уступал престольному, он выглядел как престольный праздник «в миниатюре». Длительность его празднования, как правило, составляла один день. Например, в вепских деревнях, входящих в Шокшинский приход, часовенными праздниками были *Михайлов день* (08.11) в д. Чога, *Егорьев день*, весенний и осенний (23.04 и 26.11) в д. Васильевская [Винокурова 1996: 40]. У русского населения Канзанаволоцкого прихода справлялись такие часовенные праздники: *сдвижение* – Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня в д. Канзанаволок, *тихвинска* – день Тихвинской иконы Божией Матери (26.06) в д. Варишпельда, *Митров день* – день вмч. Дмитрия Солунского (26.10) в д. Колкосалма, *Покров* – Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии в д. Колгоостров [Логинов 2005: 108].

3. **Заветные праздники**, территориальный охват которых варьировал: поселение, группа деревень, деревня. К местным праздникам относились также *заветные* (вепс. *zavetan praznikad*), или

обетные праздники (ливв. *jiäksindähiine pruazniekku, jiäksindö*) [Винокурова 1996: 110; СКЯ 1990: 102]. В этих несколько различных названиях отражены особенности данных праздников: заветный, то есть унаследованный от прошлого и отмечаемый по наказу предков; обетный – возникший по обещанию (обету), требующему безусловного выполнения. Заветные праздники учреждались самими местными жителями по обету, данному ими при чрезвычайных обстоятельствах, случившихся в жизни населенного пункта, и передавались из поколения в поколение. Это могли быть как коллективное бедствие – эпидемия, падеж скота, пожар и т.д., которое удалось предотвратить, обратившись к помощи Бога, Пресвятой Богородицы или святого, ставшего с тех пор покровителем данной местности, так и «знак» Божией милости – «явление иконы или часовни». Так, в Ундозерском приходе в первый воскресный день после *Петрова дня* (29.07) бывает празднество в честь св. мученицы Параскевы. По рассказам местных жителей поводом для учреждения праздника стало то обстоятельство, что «часовня св. Параскевы, будто бы, в этот же день, в первый раз явилась приходским жителям». С тех пор «праздник отправляется с великим усердием и благоговением» [СП 1852: 1].

Подавляющая часть заветных праздников в Олонецкой губернии была установлена в связи с возникшим когда-то падежом скота и выделялась особыми народными названиями. Например, у вепсов эти праздники назывались *živatan praznikad* («праздники скота»), *lehmän praznikad* («коровьи праздники»), *hebon praznikad* («лошадиные праздники»). Об обстоятельствах появления некоторых праздников сохранились предания. Так, в с. Ладва об учреждении заветного праздника в честь свв. мучеников Кирика и Иулитты (15 июля) рассказывали следующее: «В 1833–35 годах свирепствовала в Ладве и окрестностях этого селения сибирская язва, поражавшая не только скот, но и людей. Местные жители обратились с молитвою об избавлении от этого бедствия к св. мученикам Кирику и Иулитте и, отслужив в часовне молебен, обнесли икону вокруг скота с окроплением святою водою, язва с тех пор прекратилась и не повторялась. Вследствие этого с того времени

положено праздновать 15-е июля – день памяти святых мучеников, и совершать крестный ход из местной Успенской церкви в часовню, что доселе и исполняется» [Сказание 1894: 9]. Установление заветного праздника в Горском приходе Олонецкой губернии было связано с такими обстоятельствами: «... В давнее время появилась повальная болезнь на рогатый и другой домашний скот. Была ли то сибирская язва или другая какая повальная болезнь, это неизвестно, а только говорят, что мало осталось скота, большая часть его околела. ... Лишившись большей части скота, крестьяне погоревали, поплакали, да видно горю горем не помочь, а потому с общего совета, чтобы обезопасить на будущее время скот свой от болезни, решили служить в местной часовне молебн, приносить скоромное масло и тут же его есть, отнюдь не продавая никому. Обычай этот строго выполняется и в настоящее время, не смотря на его давность, ибо восьмидесятилетние старики не помнят его начала» [Покровский 1872: 170]. О причине появления заветного праздника Ильинская пятница в с. Матвеева Сельга местные жители (70 лет и старше) хорошо помнили еще в конце 1980-х гг.: «Когда-то была кровавая моча у коров и лето было очень сухое и, по-видимому, не один год так было. И вот люди сходили в церковь, молились там и положили завет, чтобы в Ильинскую пятницу праздновать этот праздник и ходить по часовням» [Винокурова 1996: 110].

Размах празднования «заветов» приходился на летнее время. Большинство из них имело точную календарную дату проведения, но встречались и «скользящие» воскресенья, точками отсчета которых были даты церковного календаря.

Проведение заветных праздников несколько отличалось от престольных. Общим в них был только молебен, иногда крестный ход. В праздничный день жители ближайших деревень или одной деревни собирались у церкви или часовни. В заветный праздник охраны скота к этому месту пригонялось большое количество коров и лошадей. У сегозерских карел в д. Мяндусельга день свв. мучеников Флора и Лавра – *Frolan proazníkka* (18/31 августа) считался лошадиным праздником (*hebozien proazníkka*). В этот день рано утром у часовни скапливалось большое количество

во лошадей. Хозяева следовали на праздник верхом на конях или на телегах из соседних деревень Юостозеро, Пюхяниemi, Сенчезеро, Чобино. Священник по случаю праздника служил молебен и освящал воду в специально приготовленных чашах. Мимо священника мужчины проезжали на лошадях, которых он окроплял освященной водой со словами: «Будь здорова!» [ДКСК 1980: 100–101]. В Шуйском погосте в день свв. мучеников Флора и Лавра также происходило освящение лошадей около часовни [Никитин 2004: 339]. В отличие от населения Карелии (в современных административных границах), у средних и южных вепсов заветные праздники, посвященные лошадям (*hebon praznikad*), часто приурочивались к Маккавееву дню (01.08) и сопровождались купаниями животных в местных водоемах. Чтобы лошади были здоровыми, мужчины въезжали в воду, сидя на них верхом [Винокурова 2007].

В вепском Прионежье нами были зафиксированы две формы проведения заветных скотоводческих праздников. Первая форма, примерно такая же, как у сегозерских карел, была характерна для деревень, входящих в поселения Рыбрека, Каскесручей, Володарское, Урицкое: жители деревни пригоняли скот к местной часовне для совершения молебна [Винокурова 1996: 110].

Вторая форма, помимо молебна, включала крестный ход. Она была распространена в деревнях поселений Матвеева Сельга (Ильинская пятница), Вехручей (день бесребренников и чудотворцев Космы и Дамиана, 01.11), Шелтозеро (*крестоход*), Другая Река (день Смоленской иконы Божией Матери, 28.06). Например, в Другой Реке в день Смоленской иконы Божией Матери священник с крестным ходом по очереди обходил все деревни этого поселения, где у каждой деревенской часовни служил молебен и кропил святой водой собранный в честь праздника скот. В с. Шелтозеро такая форма празднования отразилась в народном названии праздника – *крестоход*, хотя официальное название его – день Казанской иконы Божией Матери (08.07) [Винокурова 1996: 110–111].

Важной частью заветных праздников было умиловительное или благодарственное бескровное жертвоприношение Богу, Пресвятой Богородице и святым. Оно представляло собой приношение

жертвы (*завета*) в священное место. Видами пожертвований могли быть полотенца, платки, отрезы материи, выпечные изделия, яйца, деньги. На заветных праздниках охраны скота в церковь или часовню приносили продукты животноводства – шерсть, масло, сметану, молоко, творог. Так, сегозерские карелы в *Петров день* привозили в часовню на о. Махосоари масло в больших количествах, пироги, калитки. Оставленные в часовне продукты шли в пользу церкви [ДКСК 1980: 93]. У крестьян одной из деревень Горского прихода исстари соблюдался обычай: «на второе и последующие затем воскресные дни после Петрова дня приносить в местную часовню скоромное чухонское масло» [Покровский 1872: 170].

Особенности и степень гостевания на заветных праздниках различались по деревням Олонецкой губернии. У прионежских вепсов в заветные скотоводческие праздники не была принята гостьба между жителями разных деревень и поселений. Население строго придерживалось этой традиции. Показателен в этом плане рассказ О.М. Матвеевой (1913 г.р., урож. с. Матвеева Сельга). Ее бабушка имела зятя невепской национальности, который приехал в с. Шелтозеро издалека работать часовщиком и не знал обычаев местного населения. В Ильинскую пятницу (заветный скотоводческий праздник) он приехал в Матвееву Сельгу к теще на праздник, а та, будучи всегда радушной хозяйкой, встретила его с явным неудовольствием и сказала: «Лёва, так ведь это коровий праздник» [Винокурова 1996: 111]. В русских и карельских деревнях Олонецкой губернии на заветные праздники приходили жители соседних деревень и нищие [ДКСК 1980: 93]. Однако размах гостевания был меньше, чем на престольных праздниках. Длительная гостьба девушек у своих родственников на заветных праздниках не была распространена. Целью посещения заветных праздников было в первую очередь участие в религиозных ритуалах по обету, а не общение с родственниками и знакомыми ихождение из дома в дом по гостям.

4. **Заветные и престольные праздники с жертвоприношением животных.** Во многих карельских и русских деревнях Карелии отмечались заветные и престольные праздники, включающие

забой баранов или быков, *завещанных* «всем миром» святому в благодарность за его покровительство или в надежде на помощь, и коллективные трапезы. В этих праздниках удивительным образом переплетались реликты языческого жертвоприношения с православными ритуалами. Датами их проведения чаще всего были *Петров день*, *Ильин день*, Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии или «скользящие» от этих дней воскресенья. Так, ливвики Сямозера заветный праздник, отмечаемый в первое воскресенье после Ильина дня, называли *oinaspyhäpäivü* («баранье воскресенье») [Конкка 2008: 332]. В с. Суйсарь в первое воскресенье после *Ильина дня* праздновалось так называемое *баранье воскресенье*. Местные жители жертвовали белых баранов св. Илье-пророку, чтобы он берег скот от болезней и голода, не допускал нападения хищных зверей [Логинов 1997: 127–128]. Помимо общей просьбы всех крестьян округа к святым, существовали и частные обеты. Например, в Заонежье «домохозяин, по какому-либо счастливому или несчастливому случаю в отношении скотоводства, дает обещание (по-народному – „завечает“) принести в жертву Илье-пророку, во имя которого имеется в этом селении церковь или часовня, барана или овцу из своего стада. Если из крестьянского стада пропадет овца или баран, то хозяин ее также „завечает“: если овца найдется, то принести ее в жертву Илье-пророку. В течение года таких жертвенных обещаний, вытекающих из того или другого побуждения, накапливается иногда множество, и, по принятому обыкновению, в первый воскресный день после праздника в честь пророка Илии, 20-го июля, в деревне заслуживающие особого уважения старики идут по домам и собирают „завеченных“ овец и баранов, а для приправы при варении их – крупу и соль» [НО 1887: 231]. Иногда обет принести в жертву барана (быка) давался тому святому, в честь которого был сооружен храм или его придел.

Схема проведения праздников с жертвоприношением животных была везде примерно одинаковой. В праздничный день жители одной или нескольких деревень пригоняли *завещанных* баранов или быков к часовне или церкви. Пока шла обедня, происходили забой скота, разделка туш и варка мяса в котлах.

После обедни возле церкви или часовни устраивалась совместная трапеза, во время которой все члены общины сообща хлебали приготовленный бульон и ели мясо. Так, например, по сведениям очевидца И. Смирнова, в с. Таржеполь в 1872 г. заветный праздник, посвященный Илье-пророку, проходил следующим образом: «... В 9 часов утра начался звон к обедне, и толпы народа, в разноцветных нарядах, потянулись в церковь; то были пришедшие гости и местные жители. Между тем как продолжалась церковная служба, толпа крестьян недалеко от храма возилась около большого котла, под которым был разведен огонь; тут же убивали и освежали „завичанных” животных – овцу и корову, и мясо их, рассеченное на большие куски, опускали в котел. По окончании обедни, за которую была сказана священником проповедь о жизни и делах пророка Ильи, народ двинулся к месту, где готовилась заветная трапеза. На лугу были поставлены столы, на которых было разложено сваренное уже мясо. Явился священник с причтом, благословил стол и попробовал мяса ...» [Смирнов 1872: 1011]. В конце XIX в. товаро-денежные отношения вносили изменения в форму празднования. В Ведлозерском приходе Олонецкого уезда, например, в Ильин день каждый год пригоняли по нескольку быков. Только здесь их не варили. Обыкновенно один из быков на другой день убивался, мясо делилось между членами причта, а прочие быки продавались, и деньги поступали в церковь [П.М. 1891: 611].

У вепсов, проживающих в Олонецкой губернии, кровавые жертвоприношения быками и баранами на праздниках были распространены только в Сяргозерском приходе Вытегорского уезда Олонецкой губернии, а также в соседних Куйском и Пондальском приходах Марковской волости Белозерского уезда Новгородской губернии [Винокурова 1989: 127–128]. Время их проведения также приурочивалось к трем датам – дням памяти христианских святых – пророка Ильи, апостолов Петра и Павла или Пресвятой Богородицы. Принесение барана или ягненка (наряду с быком и нетелью) в жертву считалось обязательным, иначе, как полагали местные жители, «наш скот съедят волки,

и мы останемся без скота», «весь хлеб высохнет, сгорит на поле». В этих интерпретациях отражена аграрно-скотоводческая функция жертвоприношения: сохранить скот и урожай. По этикету заклинание производилось чрезвычайно жестоким способом: «Принесут (в часовню) ягненка, быка, нетель, и всех их убивали камнем в лоб, не топором, а камнем. А когда у него [животного] вспарывали горло, то не ножом, а рвали горло гвоздем» [Зайцева, Муллонен, 1969: 74–75]. Более подробное описание этого праздника в Сяргозере встречается в материалах А.В. Светляка: «С раннего утра несколько домохозяек, из числа имеющих овец, пригоняют своих „завещанных” животных на погост к часовне Ильи-пророка. Здесь они побивают своих животных камнями и тут же, вблизи церковной ограды, свежую и варят мясо в больших котлах. Кишки, внутренности и отбросы не разрешается брать никому, и они выбрасываются в озеро. Пока в церкви идет обедня, мясо жертвенных животных успеет свариться. После обедни весь народ во главе со священником идет крестным ходом под звон колоколов к часовне. Сначала служат молебен пророку, а затем все приступают к жертвенной трапезе, причем каждый получает свою долю жертвы» [Светляк. РГО, р.119, оп.1, № 344: 19].

В деревнях поселений Куя и Войлахта коллективные трапезы с жертвоприношениями животных проводились в летне-осенний период два раза: в первое воскресенье после *Петрова дня* и в первое воскресенье после Успения Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Эти праздники соответственно назывались *peñ slabad* («малая слободская») и *suř slabad* («большая слободская») по месту совершения их – Слободе, занятой хуторами, где была расположена церковь Корсунской иконы Божией Матери (09.10). Иногда эти праздники именовались по народному названию церкви *Коршунская* – *малая коршунская* и *большая коршунская*. Словами «малый» и «большой» подчеркивалась значимость праздников, которая проявлялась в формах их проведения. На *peñ slabad* было принято ходить пешком, а на *suř slabad* обязательно ездили на лошадях.

Всю собранную нами информацию² о распространении праздников с жертвоприношением животных в поселениях Олонецкой губернии и, частично, прилегающих к ним территориях мы представили в табл.

Заветные праздники с жертвоприношением животных у русских, карел и вепсов (Олонецкая губерния и прилегающие области)

Поселение	День празднования	Центр празднования
Ведлозерский приход (Олонецкий уезд)	<i>Ильин день</i> (20.07)	
Виданский приход (Петрозаводский уезд)	<i>Ильин день</i>	Часовня Святителя и Чудотворца Николая
Вокнаволоцкий приход д. Суднозеро д. Ювалакша	<i>Ильин день</i> Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (15.08) Покров (01.10)	Ильинская церковь Часовня Часовня на оз. Куйтто
Канзанаволоцкий приход Ильинский погост	<i>Ильин день</i>	Церковь пророка Ильи
д. Канзанаволок	<i>Петров день</i> (29.06)	
Кенозерский приход д.(название неизвестно)?	«Бараний день» (в июле)	
Корбозерский приход	<i>Ильин день</i>	
Куганаволоцкий приход Пречистинский погост	<i>Петров день</i>	
Купецкий приход	День св. Макария (26.07)	Часовня св. Макария на оз. Купецком
Ладвинский приход (Петрозаводский уезд)	<i>Ильин день</i>	
Лояницы Кашканы (<i>Kaškana</i>)	<i>Ильин день</i> («день быка»)	
Луговской приход	Первое воскресенье после <i>Петрова дня</i>	
Масельгско-Паданский приход (Повенецкий уезд) д.Сельги	Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии	Успенская часовня на о. Махосоари

² См. лит. в конце ст.

Поселение	День празднования	Центр празднования
Шильдский приход (Вытегорский уезд)	«День быка» отмечался в: 1) <i>Ильин день</i> , если он приходился на воскресенье, или 2) первое воскресенье после <i>Ильина дня</i>	Церковь св. Ильи-пророка
Шуйский приход (Петрозаводский уезд) д. Плаксино	<i>Баранье воскресенье</i> – первое воскресенье после <i>Ильина дня</i>	Часовня на острове
с. Янишполе д. Катчена д. Тулгуба	<i>Баранье воскресенье</i> <i>Баранье воскресенье</i>	Часовня Часовня

На праздниках с жертвоприношением животных гостей потчевали как на совместных братчинах, так и в отдельных домах.

Итак, данная тема требует продолжения. Следующий этап при работе над классификацией праздников в Олонецкой губернии и на сопредельных территориях немислим без сбора полевых материалов с подробными вопросами по поселениям и соответствующим им праздникам, записи народных определений праздников, причин их возникновения, схем празднования, масштабов гостевания. Ответы на эти вопросы пока не всегда можно найти в имеющихся в нашем распоряжении источниках.

Литература

Белоусов Я.П. Праздники старые и новые (некоторые философские аспекты проблемы празднования). Алма-Ата, 1974.

Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Очерки. М., 2009.

Винокурова И.Ю. Вепские заветные праздники охраны скота // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 119–130.

Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб, 1994.

Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1996.

Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсской деревни на рубеже XX–XXI вв. // Вепсы и этнокультурные перемены XX века. *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XXIV. Хельсинки, 2007. С. 187–209.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

ДКСК – Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. Л., 1980.

Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М., 1985.

Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Конкка А.П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 77–95.

Конкка А.П. Календарная мифология и обрядность сямозерских карел // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С.301–347.

Куликовский Г. И. Иванов день в селении Кузаранде, Петрозаводского уезда // ОГВ. 1888. № 54. С. 515–517.

Куликовский Г. И. «Общественный пир» в Каргопольском уезде // ОГВ. 1895. № 9. С. 5–6.

К. П. Деревянное // ОГВ. 1883. № 63. С. 646.

Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.) СПб, 1993.

Логинов К.К. Этнографическое описание села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 15–60.

Логинов К.К. Система традиционных праздников Водлозерья // Структура и динамика природных экосистем и формирование народной культуры на территории национального парка «Водлозерский». Петрозаводск, 2005. С. 106–111.

Логинов К.К. Народный календарь и праздники народов Карелии // Слово и праздник. Петрозаводск, 2008. С. 15–60.

Местный праздник – Местный праздник в селе Обжи, Олонецкого уезда и освящение часовни (Корреспонденция Губ. Вед.) // ОГВ. 1883. № 47. С. 484–485.

Миролотов. Праздник в честь пророка Илии в селе Ильинском (Олонецкого уезда) // ОГВ. 1872. № 67. С. 772–773.

Никитин Г.А. Жертвоприношения в Карелии (публикация О.М. Фишман) // Материалы по этнографии. Т.II. Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. СПб, 2004. С. 335–347.

Никольская Р.Ф. Пища и кухонная утварь // Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел. Л., 1981. С. 138–178.

Именский В. Ильин день в Шильде // ОГВ. 1873. № 64. С. 745–746.

НО – Народный обычай // ОГВ. 1887. № 29. С. 231.

Пименов В.В. К истории сложения типов поселений в Карелии // СЭ, 1964. С.3–18.

П. М. Ильин день в селении Виданы (Петрозаводского уезда) // Оло-нецкие губернские ведомости. 1891. № 60. С. 610–611.

Покровский П. Обычай есть скоромное масло у часовни (Письмо в редакцию Олон. губ. вед.) // ОГВ. 1872. № 14. С. 170–171.

Покровская И. П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 91–118.

Полищук Н.С. Развитие русских праздников // Русские. М., 1997. С.573–601.

С. В. И. Г. Важинский погост, Олонецкого уезда // ОГВ. 1895. № 38. С. 4; № 39. С. 4; № 41. С. 4–5; № 43. С. 4; № 44. С. 5; № 45. С. 4; № 46. С. 8; № 53. С. 5; № 54. С. 5–6; № 55. С. 6–7; № 59. С. 5–6; № 61. С. 5–6.

Сказание – Сказание о религиозных событиях, совершившихся в сравнительно короткое время на Борках, близ селения Ладвы, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии // ОГВ. 1894. № 44. С. 9–11.

СКЯ – Словарь карельского языка (сост. Г.Н. Макаров). Петрозаводск, 1990.

Смирнов И. Ильинский праздник в селе Таржеполь (Петрозаводского у.) // ОГВ. 1872. № 88. С.1010–1011.

СОСДКВСЯ – Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков. Петрозаводск, 2007.

СП – Сельский праздник // ОГВ. 1852. № 39.

Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л., 1977.

Сурхаско Ю.Ю. О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности конца XIX – начала XX в.) // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.

Топоров В.Н. Праздник // Мифы народов мира. М., 1997. Т.2.

ФРС – Финско-русский словарь (сост. И. Вахрос, А. Щербаков). М., 1975.

Sarmela M. Reciprocity systems of the rural society in the Finnish-Karelian culture area with special reference to social intercourse of the youth. Helsinki, 1969. FFC N 207.

Архивные материалы

Институт по изучению народов ССР АН СССР // Архив Академии наук, ф. 135.

Светляк (Фомин) А.В. Из «вепских былей»: заговоры и заклинания, записанные из записной тетради крестьянина-вепса бывш. Шимозерской вол. Лодейнопольского р-на. 1926–1933 гг. // Русское географическое общество (РГО), р.119, оп.1, № 343.

Материалы Ю. Перттола – Perttola J., далее указывается номер хранения текста // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunouden arkisto (SKS).

К.К. Логинов

ЗАОНЕЖСКИЙ ПРАЗДНИК РАДКОЛЬСКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В традиционном календаре народов Карелии одним из самых удивительных был праздник *Радкольское воскресенье*. Он проводился ежегодно в последнее воскресенье перед днем Рождества св. Иоанна Предтечи, Крестителя Господня (24.06 / 07.07) жителями южного Заонежья. О необычности этого праздника сами заонежане высказывались так: «Это праздник не в честь (христианского) Бога или святых угодников, а просто праздник, сам по себе» [НА КНЦ, ф. 1, оп. 50, д.669, л.57; д.673, л.21]. День проведения праздника получался скользящим в пределах 6 дней. В дохристианскую эпоху праздник должен был выпадать всегда на день летнего солнцестояния – самый длинный в году. Позже по христианскому календарю праздник оказался привязанным ко дню Рождества св. Иоанна Предтечи. Как можно видеть, зарождение праздничной традиции относится к достаточно неопределенной древнейшей эпохе Карелии, время же ее исчезновения известно точно – это 1928 г. [НА КНЦ, разряд VI, оп. 1, д.61, 72, 74, 82, 90]. В следующем году день выдался очень дождливым, крестьяне не стали отмечать праздник и остались сидеть по домам, а позднее уже были организованы колхозы, и ни один председатель не мог себе позволить отпустить людей с работы на целый день праздновать.